

ВАЛЕНТИНА ИВА

ЗЁРНА
СУДЬБЫ

Валентина Ива Зерна судьбы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64596311

Зерна судьбы:

ISBN 978-5-907272-20-0

Аннотация

Наша жизнь сложна и многообразна и радость от нее испытывают не все. Но нам не следует унывать даже в самые неприятные моменты. О жизни и ее перипетиях и повествует автор этой книги.

Мы рекомендуем почитать рассказы, в которой сочетаются драматические и юмористические моменты, из которых собственно и состоит ткань нашей жизни. Крохотные рассказы и печальны, и смешны. Персонажи рассказов вымышленные, но без реальности происходящего невозможно дотронуться до сердца читателя.

Содержание

Мечь – женского рода	5
Рождественская джазовая месса	14
Торт огромный	22
Мы, как музейные работники...	28
Эффект сцены	42
Традиции востока	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Валентина Ива Зерна судьбы

© В.И. Остапенко, 2020

Месть – женского рода

На Ученом совете Ирина Петровна сидела в заднем ряду потому, что опоздала. Вошла тихонько, можно сказать, крадучись, и сразу приткнулась на синее кресло последнего ряда и замерла, боясь гнева директора. Но она оказалась не последней. За ней также робко и стараясь незаметно, проползал в дверь заведующий лабораторией Владимир Казимирович. Но вот незадача! Он был несколько грузен и слишком велик для того, чтобы быть незаметным. Паркет под его телом не скрипнул, а взвизгнул. Директор прервал речь и огромные булыжники покатались с вершины горы, раскатисто оповещая о том, что опаздывать на Ученый совет ЗАПРЕЩАЕТСЯ под страхом повешения. Тут он назвал и Ирину Петровну, которая якобы думает, что просочилась незаметно, и, видимо пришедших на минуту раньше – Сидорчука и Вылежнина, но тоже опоздавших, и, соответственно, Владимира Казимировича Питерсона, который будучи машиной, желает раствориться в воздухе и притвориться ветошью. Директор гремел и взывал к совести, памятуя о том, какая сегодня важная тема Ученого совета. За Казимировичем тоже кто-то рыпался в дверь, но после погрома решил ретироваться.

– Владимир Казимирович только что вернулся из командировки на Чернобыльскую атомную станцию, – гремел ди-

ректор, – Пусть он теперь готовится к комментариям по этому материалу, что рассматриваем сейчас, – директор продолжал неистовствовать, а посрамлённые опоздавшие застенчиво уселись и замерли. В полумраке зала, под мелькавшими на экране слайдами Ирина Петровна обнаружила странный вид Владимира Казимировича, и в паузе докладчика тихонько спросила: «Что с вами? Что-то случилось?».

– Потом, потом, – зашептал Казимирович и тяжело вздохнул.

Ирина Петровна и Владимир Казимирович работали в параллельных лабораториях уже 20 лет. Когда-то лет 15 назад он даже ухаживал за ней. Оказывал знаки внимания, угощал кофе, приглашал на танец в Новогодние вечера. Никаких личных отношений они так и не завели, но симпатизировали друг другу. Частенько он заходил к ней в кабинет, и они пили кофе и не только кофе.

Учёный совет закончился. Руки директора не дошли до итогов командировки Владимира Казимировича и затребованные комментарии не потребовались, хотя главной темой совета были как раз итоги работы по анализу реальных последствий Чернобыльской катастрофы. Сидящие у выхода быстренько выскользнули на лестничную площадку и при дневном свете Ирина Петровна обомлела, глядя на Питерсона.

– Пойдемте, дорогая моя Ирина Петровна! – он подхватил её под руку и стремительно направился к себе в кабинет, –

молчите, ничего не говорите. Нам главное оторваться от директорского нагоняя. Я в таком состоянии, что мне требуется немедленно выпить коньяку, и я прошу вас оказать мне честь и составить компанию.

Они почти бежали по длинному коридору. Около своего кабинета Владимир Казимирович стремительно вынул ключи, молниеносно отпер дверь, втащил растерянную Ирину Петровну и так же быстро запер дверь на ключ.

Дальнейшее происходило под бокал коньяка Каспий с закуской из одного мандарина, одного апельсина и порезанного на восемь частей яблока.

А дело было так:

Доктор биологических наук, профессор Мурашев Виктор Ювеналиевич отмечал вчера свой день рождения. Отмечал он его уже третий день, но так как был человек душевный и пользовался любовью коллектива, то приходилось, что же поделаешь, продолжать праздновать и на следующий день, и на следующий, и внимать сыпавшимся как из Рога Изобилия поздравлениям, и беспрерывно освежать стол с закусками и алкоголем. Владимир Казимирович праздновал этот день рождения все три дня. Будучи человеком ответственным, всегда уезжал домой на своих ногах, то есть был в норме и в форме.

Вчера его прелестная жена Юлия Ивановна строго заметила: — Хорош выпивать каждый день! У тебя есть голова на плечах или там чурбан пустой? Как ты только работаешь

профессором? Я удивляюсь!!! – и, хлопнув дверью, вышла из комнаты. Стены закачались. Жена вернулась и продолжила: – Завтра мы идем в гости к маме. Если ты помнишь? Маме завтра 79 лет. Тебе ясно?



Всё прекрасно ясно. Тёщу Казимирович терпеть не мог, а кто, скажите, может терпеть тещ и свекровей. Куда деваться? Партия сказала – надо, как говорили в далёком Советском Союзе, комсомол ответил – есть! Спрашивается: зачем Владимир Казимирович зашел в конце рабочего дня еще раз к Виктору Ювеналиевичу? На этот вопрос нет ответа. Поскольку они оба когда-то давно оканчивали психфак МГУ, то ответ все-таки напрашивается: подсознательное нежела-

ние видеть ненавистную тещу продиктовало команду организму выпить чуть больше крепкого алкоголя, чем обычно. Не для того, чтобы напиться, а для того, чтобы расслабиться и воспринимать мир таким, какой он, чёрт его побери, есть. За этим «чуть» понеслась родимая в тартарары. Когда позволила жена с дурацким вопросом: «Ты где?», – мир уже казался таким родным и близким, что никакие тёщи не страшны и вообще..., никто не обязан соответствовать тому, чему он не желает. После звонка жены настроение несколько ухудшилось, но поскольку внутри организма вопрос по поводу посещения тещи был уже давно решен, Владимир Казимирович налил щедрой рукой почти стакан коньяка и, провозгласив очередной тост за настоящую дружбу, осушил до дна.

Дальнейшее он помнил смутно. Настоящий друг Виктор Ювеналиевич не оставил в беде своего верного соратника, вызвал такси и повёз его домой, так как передвигаться самостоятельно Владимир Казимирович уже не мог. Несколько раз Виктор Ювеналиевич предлагал Казимировичу остаться ночевать у него, дом рядом, ехать никуда не нужно, но Владимир жаждал движения. Динамика тела закончилась сразу же в такси и уже около входной двери, надорвавшийся Ювеналиевич, тряс Казимировича и приговаривал: – Приехали, приехали, приехали!!!

Нет ничего прекраснее, чем сбросить ношу с плеч и передать её в надежные руки. Юлия Ивановна с белым лицом приняла тело и сухо попрощалась с раскачивающимся про-

фессором, который тоже нагруженный возлияниями, мечтал только о том, чтобы лечь и забыться крепким сном. Шекспировский вопрос «мстить или не мстить» у Юлии Ивановны даже не стоял. Разъярённая женщина с презрением смотрела на распростёртое тело, и месть зрела в её мозгу как тесто в кадке. Она выпирала наружу и требовала немедленного исполнения. Месть – женского рода, как действие в отплату за причинённое зло, возмездие за поступок этого лежащего в коридоре Му-Му, уже родилась и искала осуществления. Месть – это всегда выбор между желанием отомстить и возможностью простить. И надо сказать, что сделать этот выбор непросто. У каждого решения будут свои последствия – и положительные, и отрицательные. С одной стороны, чувство обиды, чувство злости, чувство ненависти, чувство несправедливости – вызывают у человека жгучее желание отомстить, и это перевесило. Весы накренились в сторону депиляционного крема. Юлия Ивановна без сожаления и даже с удовольствием жирно намазала голову мужа депилятором Батист. С удовольствием посмотрела на дело рук своих. Перешагнула через безжизненное тело и ушла к маме ночевать.

Утро Владимира Казимировича уничтожающе пульсировало в больной голове и ломоте во всём теле. Рвотные позывы и иссушающая жажда одновременно терзали его плоть, а когда взор воткнулся в сверкающее, бящее в глаза яркостью, зеркало в ванной комнате, Владимир Казимирович

обомлел. Он протер глаза и, проведя по голове, обнаружил в руке свои волосы. Нервными движениями, пытаясь ощупать голову, он снимал и снимал прядь за прядью и волосы исчезали, обнажая неровный череп.

– Это возмездие, – хрипло прошептал он, – Моя поездка в Чернобыль – вот её результат. Зачем я курил на улице около общежития, меня выворачивает наизнанку, я просто подыхаю, это передоз радиации, – мысли рвались и брызгали как шкворчащие капли на раскаленном масле в перегретой сковородке, – Сколько мне осталось? Если такая реакция и так молниеносно опадают волосы, то жить мне осталось немного. Рвотные позывы возобновились. Жующие боли в области сердца жамкнули несколько раз и отпустили. Ужас обуял Владимира Казимировича, и он заплакал.

Вот таким растерзанным и готовящимся уходить в мир иной, его и застала вернувшаяся жена. Обнаружив в лице её полное равнодушие и даже ненависть, Владимир Казимирович опешил.

– Я же умираю! Ты что не понимаешь? Тупое ты создание. Ты что не видишь, что волосы разом выпали. Я переоблучился в командировке. У тебя есть голова на плечах? – его слипающиеся губы издавали странные причмокивания, забавно звучащие в тишине квартиры, как будто лягушки перепрыгивали с одного листа кувшинки на другой.

Жена молча собиралась на работу и искры ненависти в её взоре не иссякали, а наоборот сверкали всё ярче. Она даже

посмеивалась злорадно и иронично.

– Ты не понимаешь! – крик Владимира Казимировича, такой скорбный и безнадежный, вывел жену из себя. Надевая пальто около двери, она злобно прошипела: – Ничего с тобой не случится! Скотина! Жри водку дальше! Я депилятором твою башку тупую намазала, – и вылетела вон, оглушительно хлопнув дверью.

Доктор наук, профессор Владимир Казимирович Петерсон присел на кресло и несколько мгновений переваривал сказанное. Потом никак не мог понять – радоваться ему или негодовать? Принял душ. Вышел посвежевший и даже чуть бодрый и подумал, что не станет приходить в бешенство, хотя такой позыв был и ещё какой. Никто и никогда не доводил его до такой слепой и безумной ярости как жена Юлия Ивановна, но, несмотря на последний её поступок, радость вновь обретенной жизни победила драматично-трагичное впечатление от гнусной женской мести. Видимо более сильные семейные распри ожидали его впереди.

Ирина Петровна с ужасом взирала на клокастую неровно остриженную голову коллеги и не нашла ничего лучше, чем осушить свой бокал до дна.

– Ужас! – всё, что она смогла вымолвить, зажёвывая крепкий напиток апельсиновой долькой. Её широко открытые глаза отражали последствия женской мести.

Живительная сила коньяка медленно распространилась по организму, и они, посмотрев друг на друга, принялись хо-

хотать. Оказывается, не так всё плохо, как кажется с первого взгляда. Нужно просто посмотреть на проблему еще раз и с другой стороны, и всё станет на свои места. Так, как в этот вечер, после Учёного совета, Ирина Петровна не смеялась никогда.

Рождественская джазовая месса

Многострадальный кафедральный собор святых апостолов Петра и Павла – лютеранский собор в Москве, главный собор региональной Евангелическо-лютеранской церкви Европейской части России дожил до наших дней перемолотый историей страны, так же, как и многие другие храмы. Ему несказанно повезло. Он частично остался жив в отличие от многих других павших страшной смертью и сейчас, в отреставрированном виде, возвышается в Старосадском, а прежде Космодомианском переулке. Несмотря на скромность и даже некий аскетизм, в нём присутствует величественность, что и понятно, так как расположен на месте усадьбы Лопухиных, у которых немецкая община выкупила поместье.

Лопухины, как известно – княжеский и дворянский род, ветвь Сорокоумовых-Глебовых. В родословных сказках показан Михаил Сорокоум – боярин при Иване Калите, живший якобы в начале XIV века. Праправнук Михаила Сорокума стал Варфоломеем Григорьевичем Глебовым, у которого было два сына: Есип – по прозвищу Лапоть, ставший родоначальником Лаптевых, и Василий – по прозвищу Лопух, ставший родоначальником Лопухиных.

Усадеб у Лопухиных по Москве было немало, так что одной больше, одной меньше, это не принципиально. И король

Пруссии, и император Александр 1 вложили свои деньги в перестройку купленного дома под церковь. В 1819 году эта новая постройка уже была освящена, и даже, говорят, что 4 мая 1843 года в церкви состоялся органый концерт Ференца Листа. О судьбе кафедрального органа особый рассказ, но сейчас Тамара Николаевна, в прошлом историк-искусствовед, любовалась внутренним простором собора и понимала, что восхищает он не только верующих, но простых жителей Москвы великолепными органными концертами, а также выступлением хоров и сольными исполнениями.

Тамара Николаевна Никольская пригласила свою подругу Ольгу Васильевну Шестопалову на 4й международный фестиваль духовной музыки «Адвент», где ожидался Минин-хор, который обещал всех потрясти Рождественской джазовой мессой. Вся музыка относительно современная, что и привлекло Тамару Николаевну 1950 года рождения, почувствовать нечто новое, созвучное её душе, никогда ею не слышанное. Быть может это станет для неё открытием самобытного и уникального горизонта в познании современных спиричуэлов в старинном соборе.

Всё-таки спиричуэл – духовные песни афроамериканцев. Тамара Николаевна об этом читала давно, еще в школе. Жанр спиричуэлс в США в качестве модифицированных невольнических песен афроамериканцев американского Юга. Источником негритянских спиричуэлс являются духовные гимны, завезённые в Америку белыми переселенца-

ми. Тематику спиричуэлс составляли библейские ветхозаветные сюжеты.

Расположившись на боковых сидениях, так сказать в партере собора, Тамара Николаевна немного посплетничала со своей старой подругой Ольгой Васильевной на предмет поведения выросших детей и внуков, их характера и темперамента, а также тех отличий в поведении нынешнего поколения от предыдущего, которые ни в какие ворота, соответственно, не лезут. Понимая всю бесплодность этих сетований, тем не менее, после промывания косточек непослушным на душе стало легче и это главное. Удивительно: помелешь языком о наболевшем и на время исцеляешься, волшебное действие словесной медитации.

Коке Ольмедо из Эквадора забил в барабан, и месса началась. Руки дирижера с такой страстью взмывали вверх, что Тамара Николаевна опасалась, что в один прекрасный момент он взлетит под купол собора, зацепится за люстру, вышибет окно и сгинет. Голоса смешались с музыкой рояля, контрабаса и ударных инструментов. Тамаре Николаевне всё происходящее слышалось какофонией. Она вспомнила рассказ своего бывшего начальника, который в 90-тые годы, когда приоткрылись железные занавесы, отправился в Америку к многочисленным еврейским друзьям, которые слиняли из России ещё в 70-е годы. Посетив в Нью-Йорке богослужение в католическом соборе и будучи малость подшофе, он был потрясён местным джазом, отплясывающими прихожа-

нами под сводами собора и слезами счастья и умиления последних от любви к богу. Что-то такое и нынче, спустя 25 лет, приплыло в Москву, но, понятное дело, мы вечно в чем-то отстаём. Она отвлеклась от лиц хора и стала рассматривать публику. Её подруга Ольга уже сладко спала, прижавшись к её плечу, и Тамара Николаевна обнаружила, что спящая не одинока. Напротив спала еще одна дама, потрясшая Тамару Николаевну всем своим обликом.



Не далее, как вчера Тамара Николаевна случайно, никогда не смотрела специально, включила телевизор и, попивая кофе, попала на «Модный приговор». Она прекрасно понимала, что это шоу, и не ожидала ничего, что могло бы её заинтересовать, но это был особый случай. Праздновали день рождения актрисы и режиссёра Светланы Дружининой. Напыщенный, и как всегда нелепо наряженный, господин Васильев, так сказать, историк моды, и разухабистая Надежда Бабкина, троекратно облобызали Светлану Дружину, а Эвелина Хромченко, позиционирующая себя как знатока всяческой моды и человека с безупречным вкусом, по-европейски клюнула Дружину пару раз в обе щеки и отстранилась, не давая последней продолжить православный ритуал.

Дальнейшее действо повергло Тamarу Николаевну в шок. То, во что нарядили главную героиню, соответствовало шоу. Зрелище не для слабонервных. Эти нелепые мысли мелькали в голове исключительно потому, что перед Тамарой Николаевной сидел и сладко спал шедевр женской экстравагантности. Дама в алом полушубке, в клетчатых обтягивающих брюках, в алой шляпе, с алой сумкой и в алых перчатках, лет так примерно восьмидесяти. Она спала видимо уже давно. Иногда клевала носом, иногда запрокидывала голову, а иногда подрыгивала ногами от видимо сладких снов, что часто делают люди, когда во сне падают с веток, вспоминая своих предков, проживавших на деревьях. Хор спел и удалился. Дама сладко спала. Первые могучие аккорды Токкаты в

кельтском стиле Ханса-Андре Штамма в исполнении господина Царёва на органе, пробудили леди. Женщина поняла, что хор уже не поёт и стала искать исполнителя на органе, заглядывая вперёд и стремясь к сцене. Но кроме распятого Господа нашего Иисуса Христа – никого на сцене не обнаружила. Органные аккорды звучали мощно как набат, и женщина недоумевала: откуда льётся эта музыка? Она робко заглянула за спинку своего кресла, посмотрела себе под ноги, но тоже ничего не обнаружила и решила: «музыка звучит, все сидят – не стоит волноваться!». Закрыла глаза и опять уснула. Прелестным движением спящей руки она ловила слетающую шляпу и сползающую сумку, и всё это в алом цвете выглядело божественно. Пластика спящего тела, в неудобном положении – сидя, с приснившейся динамикой, воплощенной в жизнь нечаянными движениями, была такой трогательной, такой беззащитной, что хотелось обнять даму, прижать к сердцу, погладить по спине и побаюкать:

– А-А-А! Баю-бай!



Вот так, помимо музыкального впечатления получено ещё и художественно-эстетическое, а вкупе с агрессивным алым цветом ещё и возбуждающе-тревожное с юмористическим настроением. Теперь этот Боб Чилкотт со своей «Маленькой джазовой мессой» у Тамары Николаевны всегда будет кроваво красным и никуда от этого не денешься, а для дамы в одежде цвета алого заката эти композиторы будут иметь эффект глицина-форте и это прекрасно!

Торт огромный

Самосевная очаровательная рудбекия, заполонившая почти весь сад, нещадно вырываемая и выкашиваемая на тех местах, где поселились другие цветы и растения, наконец, зацвела и превратила окружающий мир в жёлто-коричневый бархатный ковёр. Пчёлы, осы, бабочки и прочие насекомые, питающиеся той вкусняшкой, что синтезирует природа цветка, неустанно роились над этой красотой, оживляя неподвижность растения динамичной жизнью движения крылатых животных. Две крупные капли начинающегося летнего дождя плюхнулись на нос Маняшке, моей трёхлетней внучке, и на мою лысину, жиденько обрамленную остатками былой роскошной шевелюры.



– Пошли в дом, – скомандовал я, – пока нас не накрыло ливнем, – и ступил на крыльцо, перешагнув сразу через две ступеньки своим 48-м размером кроссовок.

– Ну, что же ты там копаешься, сейчас тебя смоет, шевелись, – мои последние слова уже затушевались хлынувшим дождем, громко забарабанившим по жестяной крыше крыльца. Я закрыл дверь, чтобы порывы ветра не трепали штору, и в доме стало относительно тихо, только шум воды за окном набирал обороты. Маруся прилипла к окну и грустно смотрела на потоки воды, стекающие по стеклу.

– Что загрустила? Давай собирать игрушки!

Маруся равнодушно мазнула взглядом по разбросанным

игрушкам и опять уставилась в окно.

– Ну, раз ты не хочешь собирать игрушки, давай тогда поедим эскимо, виртуально.

Маруся мгновенно оторвалась от окна, а я поспешно исправил предложение.

– То есть, понарошку...

Некоторое разочарование, промелькнувшее в облике моей несравненной красавицы, сразу бросилось в глаза. Слово «понарошку» она прекрасно знала, а «виртуально» еще не совсем. Я пояснил ей, что это практически одно и то же, и перешёл к делу. Манерно оттопырив мизинец, как будто держу большим и указательным пальцами эскимо, я принялся освобождать его от обертки, раскладывая воображаемую серебряную фольгу, как лепестки тюльпана, налево и направо... Маняша с интересом наблюдала за моими движениями и уже сосредоточенно почти участвовала в моей пантомиме. Я слизнул большой кусок мороженого и смачно съел, изображая наслаждение от вкуса. Маруся сглотнула слюну. Я протянул ей попробовать, и она тоже слизнула кусочек, но тень разочарования не исчезала совсем.

– Ну что, мороженое кончилось, теперь давай есть торт огромный! – я вспомнил Карлсона, который живет на крыше, и его пристрастия. Уж если любить торт, то уж конечно огромный!!!

– Давай, – согласилась Маняша и пристально сосредоточилась на моих манипуляциях. Я открыл коробку вообража-

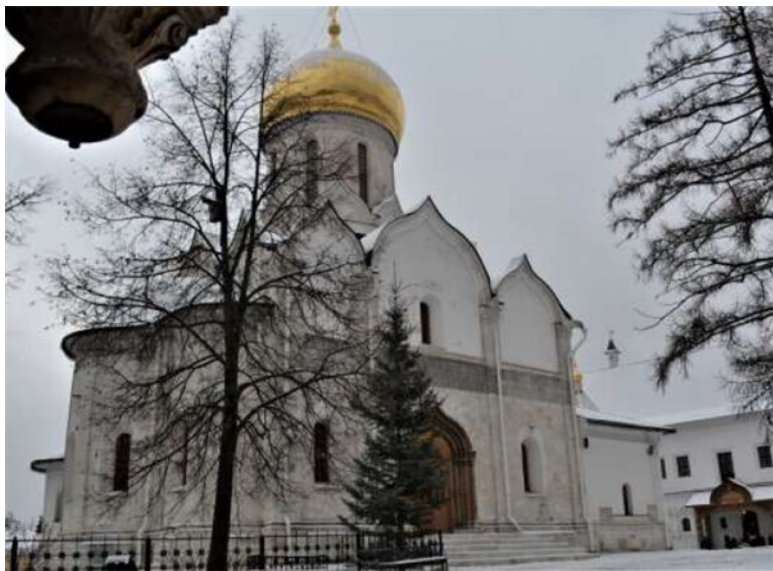
емого торта. Схватил его голыми руками за бока. Раскрыл рот как можно шире и приготовился отхватить такой шмат торта, что и кашалоту не снилось, и тут Маруся, сверкая синими глазами, подавшись ко мне наперерез всем своим телом, головой, руками, пляшущими волосами, закричала: «Подожди, подожди!!! Не ешь!!! Его порезать нужно!!!



Я давно так не смеялся...

Мы, как музейные работники...

Осенняя слякоть довольно быстро, всего за одну ночь, превратилась в зимние сугробы. От неожиданности все жители мегаполиса пустились всплескивать руками и тревожиться обстановке на дорогах. Из года в год публика не уставала удивляться, что зима всё же приходит, хочешь ты этого или нет. Именно на этот день была назначена конференция представителей музеев Москвы, которая была запланирована еще в прошлом году и обещала быть выездной. Местечко выбрали в Звенигороде в Саввино-Сторожевском монастыре, где располагался Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.



Мне давно хотелось посетить это уникальное место, где еще в 1398 году начала формироваться божья обитель. Длинная, полная драм и трагедий история существовала у этих мест и этого монастыря. Хотелось своими глазами увидеть многовековые храмы и прикоснуться к историческому прошлому России.

Я участвовал в конференции как представитель зоологического музея кафедры зоологии, экологии и охраны природы Московской ветеринарной академии. Фонды нашего музея составляют учебные и научные материалы по биологии и экологии различных групп животных, а также растений.

Число единиц хранения – 2100. Музейный работник – это особая категория человечества. Узкая специальность музеев не накладывает отпечаток ограниченности на представителей этой группы трудящихся, а наоборот, делает их пытливыми, всесторонними и любознательными.



Каждый знает, что слово музей произошло от греческого слова μουσεῖον что в переводе означает Дом Муз. Дом, который объединяет под своей крышей памятники искусства, предметы техники, научные коллекции, предметы, представляющие исторический интерес. Музы в переводе – «мыслящие» – богини в древнегреческой мифологии, дочери бога Зевса и титаниды Мнемосины, либо дочери богини Гармонии, живущие на Парнасе – покровительницы искусств и на-

ук. От муз происходит слово «музыка» первоначально обозначавшее не только музыку в нынешнем смысле, но любое искусство или науку, связанные с деятельностью муз. Музам посвящались храмы, которые назывались мусейонами, от этого слова и произошел «музей».

Нашу команду в количестве 16 человек поджидал автобус, и мы по свежескользкой сугробной дороге отправились из Москвы в Звенигород.

Наталья Петровна Свирская, представитель музея Московского государственного университета, просвещала наш коллектив пока мы ехали по Звенигородскому шоссе, подробнейшим образом рассказывая нам об истории монастыря. Она сообщила о том, что монастырь основан в 1398 году монахом Саввой, учеником преподобного Сергия Радонежского, который для уединения ископал пещерку, в которой проводил время в молитве. Князь Юрий Дмитриевич с самого основания Саввино-Сторожевского монастыря опекал монастырь, стремясь превратить его в свою придворную обитель. Уже в первые годы своего существования в начале XV века, где-то около 1402 года, монастырь получил от звенигородского князя обширные владения в непосредственной близости от города. В XV–XVII веках Саввино-Сторожевский монастырь играл роль форпоста Московского княжества на западе. Обитель была любимым местом молитвы многих русских царей. Сюда, в частности, приезжали Иван IV Грозный с супругой Анастасией Романовной, а также их

сын Фёдор Иоаннович.

Трапезная

1652-54г.

Первоначальное здание имело четыре златки и красную большую столбовую палату. В начале 19 в. перестроена. С востока к трапезной приделан ц. св. Преображения постр. в Софийн в 1693г. Два окна ц. св. украшены изразцовыми маличниками уникальной работы



При царе Алексее Михайловиче монастырь стал загородной царской резиденцией. Здесь были возведены дворец государыни, царские палаты. Тогда же монастырь был обнесён каменными стенами. Храмы обители расписывали иконописцы Оружейной палаты Московского Кремля. Царь Алексей Михайлович, придал Саввино-Сторожевскому монастырю статус первой в России лавры и лишь только позже такой же статус получили Киево-Печерская и Троице-Сергиева обители. К Саввино-Сторожевскому монастырю из Москвы был проложен Звенигородский тракт, который также был известен как Царский путь или Дорога царей богоизбранных. По нему не раз совершали обязательные паломничества в монастырь к мощам Саввы Сторожевского все русские пра-

вители: великие князья, цари и императоры. В первой половине XX века эта дорога называлась Звенигородское шоссе, теперь же она более известна как Рублёво-Успенское шоссе.

Во время Отечественной войны 1812 года из Саввино-Сторожевского монастыря выезжал на молебны к московскому ополчению московский викарий епископ Августин (Виноградский). Из монастыря вывозили русские святыни – Владимирскую и Иверскую иконы Божией Матери – для всенародного моления о защите Русской земли. 12 сентября 1812 года у стен монастыря состоялся бой под Звенигородом. Монастырь, занятый после этого французами, не был разграблен: по преданию, преподобный Савва явился к французскому полководцу Евгению Богарне и велел не трогать обитель.

В 1917 году настоятелем монастыря был назначен будущий священномученик Димитрий (Добросердов). В мае 1918 года сюда прибыл с мандатом продкомиссара, некто Константин Макаров. Его отряд реквизирует у Саввино-Сторожевского монастыря хлеб, а заодно попытался вскрыть раку с мощами преподобного Саввы Сторожевского, что стало причиной Звенигородского мятежа. Участники мятежа убили Макарова и ещё двух коммунистов, но подошедший вскоре вооружённый отряд из Дедовска подавил восстание ... В середине 1919 года монастырь был закрыт. С июля 1920 года здесь располагался Музей церковной старины; основная часть коллекции которого состояла из мо-

настырской ризницы, библиотеки, архива и «обстановки в бывшем дворце бывшего царя Алексея Михайловича Романова».

В 1941 году во время эвакуации сломали уникальный 35-тонный Большой Благовестный колокол, который был изображён на гербе Звенигорода, звон которого, по свидетельству очевидцев, доходил до Москвы. В начале XXI века на замену этого колокола был установлен другой, столь же массивный.

После 1944 года музей именуется: Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

Саввино-Сторожевский монастырь, закрытый в 1919 году, был взят под охрану музейным отделом Наркомпроса как ансамбль памятников. Уникальный в своём роде, он бережно сохранялся и реставрировался музейными работниками и художниками-реставраторами до 1995 года, пока 9 февраля 1995 года между Администрацией Московской области и Московским патриархатом не был подписан договор о совместном использовании Звенигородским историко-архитектурным и художественным музеем и возрождавшимся монастырём части зданий обители, а сам монастырь получил статус ставропигиального.

К тому моменту, как пишут церковники, монастырь находился в плачевном состоянии и нуждался в срочной реконструкции. По воспоминаниям архимандрита Саввы (Фатеева), работы по его восстановлению велись медленно. «Служ-

бы велись по музейному распорядку. Если повсеместно все-нощная начиналась где-то в 5 часов вечера, то у нас – в 2. Потому что в 5 музей уже закрывался. Монахов не было. Был один трудник – даже не трудник, а просто охранник. Ситуация была плачевная, она не устраивала ни церковное начальство, ни самого тогдашнего наместника отца Иеронима.

В августе 1998 года Саввино-Сторожевский монастырь праздновал 600-летний юбилей. Святейший Патриарх Алексий II после литургии в Свято-Даниловом монастыре торжественно перевёз в Звенигород мощи преподобного Саввы – основателя обители. В 2007 году был открыт памятник преподобному Савве. Ныне в обители 30 монахов. Восстановлен иконостас XVII века, отреставрированы фрески.

Наталья Петровна перевела дух, зачитывая нам из Википедии исторические факты жизни обители.

– Мы, как музейные работники, – произнесла Тамара Васильевна, представитель музея академии Тимирязева, – твёрдо знаем, что музей – это учреждение, занимающееся сбором, изучением, хранением и экспонированием предметов – памятников естественной истории, материальной и духовной культуры, а также просветительской и популяризаторской деятельностью. Как человек проводящий экскурсии, она авторитарным тоном продолжила, – Сначала понятие МУЗЕЙ обозначало коллекцию экспонатов по искусству и науке, затем, с XVIII века, оно включает в себя также и здания, где располагаются экспонаты. С XIX века к этому при-

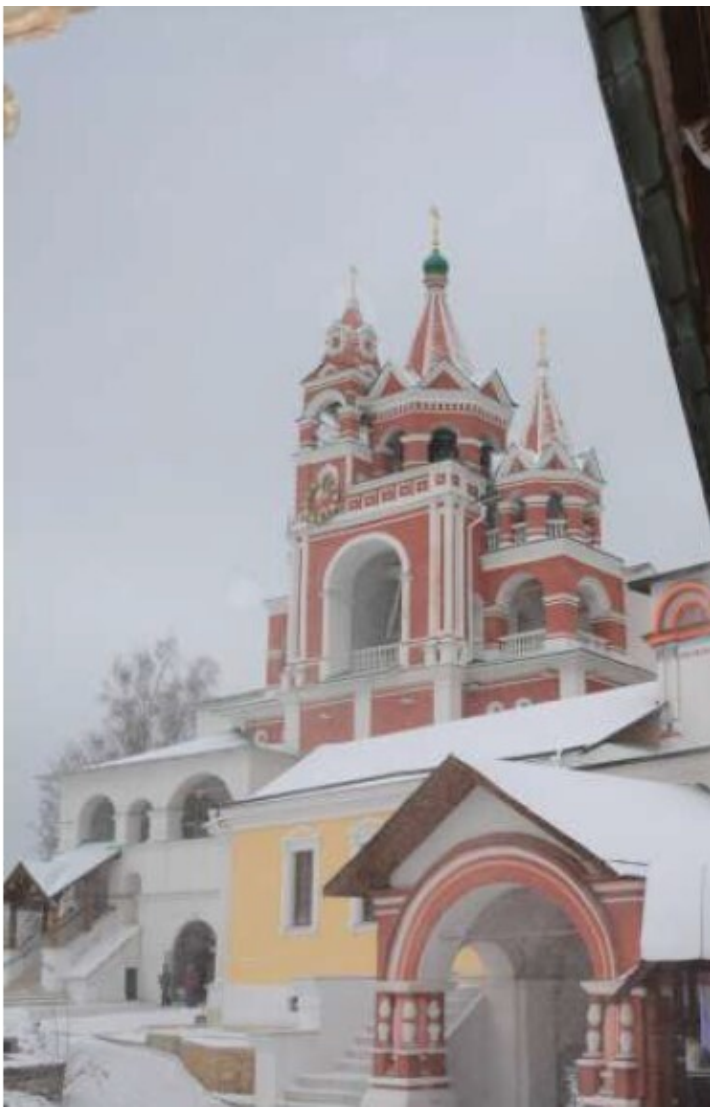
соединилась научно-исследовательская работа, проводимая в музеях. А с шестидесятых годов XX века началась педагогическая деятельность музеев – специальные проекты для детей, подростков и взрослых.

– Что вы говорите?! – воскликнул Петр Фёдорович, представитель музея Глинки, – а мы и не знали!

Все захихикали и несколько оживились. Уже около часа продолжался наш путь, и кое-кто достал кофе и бутерброды.

– Дорогие мои, продолжила Тамара Васильевна, – А ведь именно музейные работники сохранили множество старинных икон, картин, рукописей и даже зданий, – Об этом нельзя забывать!

– Мы не будем забывать, главное, чтобы священнослужители помнили, а кстати, в монастыре, куда мы едем, готовят легендарный квас, настаивая на изюме, дающем дополнительное «винное» брожение, – сказал Сергей Александрович, представитель музея квартиры Ермоловой, – Я читал, что при монастыре планируется открыть Музей церковного вина, – и причмокнул.



– Фу, – фыркнула Наталья Петровна, – Мужчины, есть мужчины!

– А я люблю квас! И вино тоже, – сказала Ольга Николаевна, представитель музея Пушкина, – и захихикала, как будто вино уже употребила.

Автобус припарковался у стен монастыря. Делегацию встретила директор музея Анна Аркадиевна и экскурсия по старине звенигородской Руси началась. Музейщики бродили от собора Рождества-Богородицы к храму Живоначальной Троицы, от Церкви преподобного Сергия Радонежского до трапезной храма Преображения Господня, от Царицыных палат 1652–1654 годов возведения, дворца, построенного для царицы Марии Милославской – первой супруги царя Алексея Михайловича, до звонницы, и везде чувствовалась поступь веков русской истории.

Утомившиеся путешественники пили чай, и кофе в Царицыных палатах пока кто-то не спросил:

– А как вы господа музейщики сосуществуете с церковниками?

Тут и началась дискуссия о том, как попы выживают музей из монастыря.

– Однажды, в наш монастырь приехал Владимир Владимирович Путин – наш Президент, – почти шёпотом начала рассказывать сотрудница музея, – Так нас даже не подпустили к общению. Местная пресса записала фильм его по-

сещения, а потом, когда он уехал, дали нам посмотреть. И что вы думаете? Президент также беседовал со священнослужителями об их взаимоотношениях с работниками расположенного на территории монастыря Звенигородского архитектурно-художественного музея. Главе государства рассказали, что в 2005 году музей планируется полностью вывести за стены обители и построить для него специальное здание.

– Нам очень хочется, чтобы обитель процветала, для этого нужно освободить её от музея, – говорил архимандрит Феоктист, а В.В. Путин побагровел и произнёс:

– С музейными работниками нужно дружить! – потом помолчал и продолжил:

– Мы не должны действовать так, что одно лечат, а другое калечат. Отношения между двумя хозяйствующими субъектами нужно выстраивать очень аккуратно, и искусственных барьеров быть не должно.

Президент выпил квасу и уехал. И что вы думаете? Отношения наладились! Вот такие дела.

Мы вышли в морозный день. Полюбовались башнями: Красной, что над Святыми воротами, Житной, Водовзводной и Усовой. Анна Аркадиевна устало вздохнула и произнесла:

– Сколько сил приложено в советское время с 1950 года до 1973! Смотрите: реставрировали в 1950-е трапезную и Троицкую церкви В.И. Федоров и М.Д. Циперович; в 1955–

1958 проводили раскопки под руководством Н.С. Шеляпиной; в 1969–1975 очищали фрески – Д.Е. Брягин, реставрировали в 1970-е—1980-е башни. Делали это Л.К. Россов, О.В. Скороходов, и Л.Э. Тэпфер, а Россов реставрировал и Рождественский собор. Всё старались сохранить и поддерживать. А теперь ходим по краешку и с попами не дружим.

Обратный путь показался слишком скорым. Вдали маячила Москва. Местный квас оказался обыкновенным, как и все другие квасы России. Я ехал домой и думал:

– Какой же наш Президент молодец!

Эффект сцены

Мутное тёмное утро пронзил телефонный звонок. Мария Петровна опустила тоненькие ножки на прикроватный коврик, оттолкнулась с усилием от постели и нетвёрдой походкой, прихрамывая, отправилась на трели затяжного звонка. Порылась в ворохе одежды, сваленной на кресло, и откопала звенящий телефон.

– Ты что, спишь? – голос подруги Шурочки звучал как яркий весенний ручей, – одиннадцать часов дня! Где твоя совесть? Как можно так долго дрыхнуть? Вставай немедленно! Приехала Олька, всего на один день, завтра уезжает. Очень хочет нас дур повидать и сходить на Гейнсборо. Ты меня слышишь?

– Да слышу, слышу! Неужели одиннадцать? Я всю ночь не спала. То читала, то телевизор смотрела, только под утро, наконец, уснула. Я даже не слышала, как муж ушел на работу!

– Ты Машка обнаглела! Ведёшь ночной образ жизни! Даже Пашеньку на работу проводить не можешь! Спишь до обеда! Безобразие! Любишь пенсию свою неторопливую?

– У меня еще колено ныло половину ночи!

– Имей в виду: про боль в коленках, сердечных спазмах, катаракте и идиотизме мы не говорим! Ясно? Только о хорошем! Поняла?

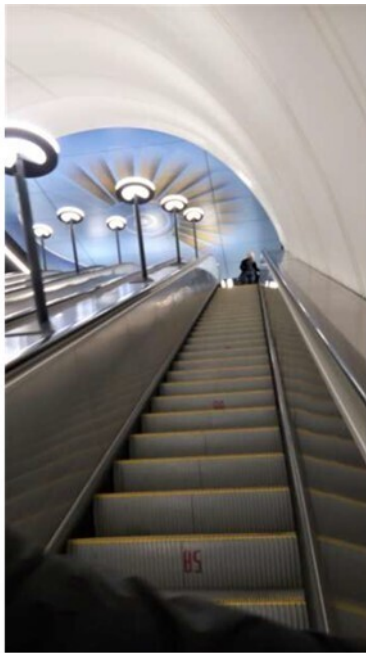
– Да поняла, поняла! Где и когда? Кстати, мы давно не

виделись, может, без Гейнсборо обойдемся? Пойдем в кафе и закажем там чего-нибудь типа шампанского, за встречу!

– Олька сказала, что мы может, и обойдемся, а она нет! Мы тут в Москве заелись, а она соскучилась по настоящему искусству! Встречаемся в 14.00 у входа в Пушкинский, – и отключилась.

Маша покачалась у окна, переминаясь с ноги на ногу. Увидела мрачный серый не похожий на день сумрак, наливающийся всё большей темнотой, и побрела на кухню. Выпила таблетки от давления, пошла в душ.

Три девчонки подружились на первом курсе. Технологический институт выпускал разных специалистов и конструкторов одежды, в том числе, для работы на фабриках и в ателье мод. Все девчонки представляли себя самыми стильными и самыми модными, но самой стильной и самой элегантной была Олька. При росте 175 см весила 52 кг и именно она стала на курсе манекенщицей, когда устраивали показы мод. Машу тоже иногда приглашали, но ей роста не хватало, всего метр 65 см, а Шурочку вообще ни разу не пригласили, потому, что она метр без кепки. Девчонки всё себе шили сами. Такие выдумщицы и фантазёрки, что их курсовые работы были самые лучшие.



После душа, натёрла коленку Випросалом, съела две ложки каши, половину детского творога, запила всё это кофе и оживилась. Теперь, перед встречей, требуется сразить Ольку экстравагантным стилем и элегантным видом. Мария Петровна залезла на антресоли, достала коробку с замшевыми сапогами, высокими, прикрывающими колени. Обнаружила в процессе поисков широкополую шляпу с теснёнными полями, которую она лет 20 назад купила в Париже. Достала

чёрное австрийское демисезонное пальто с крупной кружевной манишкой и меховым воротником-стойкой. Отыскала кружевные перчатки и задумалась: можно ли в свои 65 лет надеть мини-юбку? Решила, что нужно. Маленькая чёрная замшевая сумочка через плечо завершила образ, а умело и мастерски наложенный макияж – скинул лет 20.

Как известно, ничего так не обезболивает брренное тело, как сцена. Практически все актёры и актрисы повествуют о том, что когда всё болит, а театр полон, берёшь себя в руки, выходишь на сцену и летаешь как пушинка. Куда все боли деваются – не понятно. Сцена – наркотик! В данном случае сценой для Машеньки был мир за дверями её квартиры. Она осторожно выкатилась на улицу, надела кружевные перчатки, поблагодарила Пушкина за то, что его вечное замечание: «...зимы ждала, ждала природа, снег выпал только в январе...», всё чаще и чаще сбывается в последнее время. Сегодня, 28 декабря, был именно тот день, когда зимой и не пахло. Мария Петровна, постукивая каблучками, неторопливо направилась к метро. «Сцена» творила своё наркотическое дело. Походка становилась всё легче и стремительнее. О коленке Машенька совсем забыла.

Встреча, овеянная горячими воспоминаниями студенческих лет, обрушилась на подружек как поток живительной силы молодости. Пока они бродили по залам Пушкинского музея, Машенька с восторгом смотрела на еще более постройневшую Ольку. Лица, с портретов Гейнсборо, такие за-

думчивые и живые, с такими многозначительными взглядами, смотрели из далёкого прошлого, и казалось ужасным то, что их тела давным-давно истлели и только эти полотна сохраняют их в памяти людей.



– Автопортрет художника написан в стиле Ренуара, хотя нет, этого не может быть, думала Машенька, – ведь Ренуар родился лет на 60 позже. Быть может, это он взял у Томаса Гейнсборо эту манеру письма?

– Слушай Маш, – Оля дышала ей в ухо, и её шёпот слышали все, – по-моему, он пишет в стиле Ренуара.

– Ты, рыбка, озвучила мою мысль! Хочу предложить слиться в кафе, а то уже вечереет.

Шампанское в шумном кафе оказалось полусладким. Гремящая музыка не давала душевно пообщаться. Тихий Гоголевский бульвар с деревьями, опутанными сверкающими фонарями к Новому году, вернул на короткое время ту неспешность и тишину сердечного общения и понимания близкого человека. Отчуждённость ушедших лет растворилась в шампанском и на время исчезла. Какая-то грусть, бесконечная как вселенная, обняла три фигурки, медленно бредущие по бульвару. Все молчали. Каждый думал о том, будет ли ещё когда-нибудь такая встреча? У метро расстались, твёрдо обещая тусоваться хотя бы в социальных сетях. Оля взяла такси и уехала в гостиницу. Шурочка побежала в парикмахерскую, куда была записана заранее, чтобы навести сияющую красоту перед Новым годом, а Маша решила заехать в маленький магазинчик, где когда-то покупала свой любимый коньяк. Ведь нужно же когда-то начинать готовиться к Новому году.

Семь часов вечера. Тьма-тьмущая, на небе, ни одной звёздочки. Сверкает предновогодняя Москва.

Коньяк в магазине присутствовал, но оказался упакованный в 200 граммовые бутылочки.

– А в обычных: по 0,5 или 0,7 нет этого коньяка?

– Нет! Только такие и их осталось всего 4 штуки.

Машенька взяла все 4 бутылочки и побрела в метро. Коленка хотела напомнить о себе, и предательски скрипнула. Порыв ветра чуть-чуть не сдул шляпу. Эффект «сцены» начал постепенно исчезать.

– Ничего, – подумала Машенька, – мне всего одну остановку на метро, и я уже дома!

В полупустом вагоне, расположившись на одном сидении, а на другом гроыхнув арсеналом бутылок, разместила пакет с коньяком, Маша обнаружила напротив жгучий мужской взгляд. Мужчина с улыбкой до ушей жизнерадостно произнёс:

– Я потрясён вашей красотой!

Маша улыбнулась в ответ исключительно потому, что пила шампанское.

– Ваша шляпа, ботфорты и улыбка, сразили меня наповал! Мне влюбляться нельзя! Я уже своё отлюбил! Мне шестой десяток! Но позвольте вашу левую руку!!!

Машенькина правая рука была обнажена, а левая в кружевной перчатке, и она протянула ему её. Мужчина встал на одно колено и поцеловал Машину перчатку. Немногочис-

ленные зрители были в восторге! Машенька улыбалась всё шире и начала смеяться в голос. Мужчина сделал то же самое. Его весёлое лицо не отрывалось от её глаз.

– Спасибо! – смеясь, сказала она, – не ожидала такого сегодня. И вообще, мне никто не целовал руку стоя на коленях в вагоне метро мчащегося поезда!!! – она открыла пакет, достала бутылочку коньяка и протянула ему, – С наступающим!!!

– Восторг! – крикнул мужчина, – мне никто и никогда не дарил коньяк в поезде метро, тем более женщины!!!

Поезд притормозил, и Машенька пошла к выходу.

– Позвоните мне! – закричал мужчина, – мой телефон очень простой 8 916...

Двери закрылись и отсекали последние цифры телефона.

Румяная и игривая Маша рассказывала мужу свои сегодняшние приключения, а он, подшучивая над раздухарившейся бабушкой, всплескивал руками от негодования, называя поведение мужчины наглым и облегчённо вздохнув, произнёс:

– Щедрая ты моя! Хорошо, что коньяк по мелкому разлили, а то остались бы без ничего!

Традиции востока

Порыв ветра встрепенул деревья и желтая россыпь листьев закружилась перед глазами. Не представляю, как живут люди в тех местах, где нет смены времён года, где всегда зима или всегда лето, или одно перетекает в другое без промежуточного чуда полутонов. Личности, склонные анализировать всё и вся, со знанием дела и не без удовольствия, сообщают, что самые отрадные сердцу места по погодным условиям – это те, где температура колеблется в течение года от + 20 до + 28 градусов Цельсия, то есть там практически всегда хорошая погода, комфортная телу человека и его душе. Эти места давно посчитаны и всячески описаны для привлечения туристов. Среди десятка блаженных местечек названы: Сан-Диего, Санта Барбара, Канарские острова, Малага и другие. Эти места, помимо красот природы и погоды, очень экономичны в одежде: купил шлёпанцы, шорты и майку, и живи в них, пока не протрутся от старости, а если протрутся, то это ещё моднее, так как сейчас в моде всякое рваньё.

Как сейчас помню, занесла меня однажды судьба на один из Канарских островов под именем Тенерифе. Прогуливаясь я по окрестностям, рассматривая издалека вулкан Тейде, наблюдаю медленно ползущие в сопочку пожилые немецкие парочки, обретшие счастливую старость в этом безмя-

тежном местечке. Перекрёсток путей конкистадоров, затем пиратов и прочей нечисти, искавшей отдохновение на земле после морских мытарств и приключений, в настоящее время превратившийся в такое милое место, где не бедные жители планеты Земля могут скоротать свой век без катаклизмов. Вулкан пока что, слава богу, спит! Эх, куда меня опять занесли мысли и ассоциативные воспоминания! А всего-навсего я увидела на фоне еще зелёного летнего леса, медленно струящиеся пожелтевшие осиновые листья, что грациозно пролетели у меня перед глазами, когда я пересекала сквер по дороге в клинику имени Святослава Фёдорова.



Нетипичная катаракта, как выразился врач-офтальмолог, преобразует хрусталик, напуская в него муть, украшенную плавающими «мушками». Ну, скажите, кому они нужны, эти точки и запятые, так осложняющие жизнь человека? Великий врач и талантливый организатор Святослав Фёдоров открыл ворота народу в мир зрячей жизни, и, потекла река людская в надежде вернуть утраченное по той или иной причине зрение. Я вот тоже не явилась исключением и примкнула к страждущим.

У каждой болезни есть своя специфика. На фоне типичных для всех клиник перевязочных, процедурных, смотровых кабинетов, в этих местах, где человеку спасают зрение, существуют – капельные. Это такое чудесное место, где после операции по замене хрусталика по определённой системе закапывают в прооперированный глаз необходимые реабилитационно-заживляющие капли.

Еще одним необычным для простой жизни моментом в клинике Фёдорова существовало передвижение слепых или слабовидящих людей в сопровождении родных, близких или санитаров. Иногда двигалась шеренга, где каждому предыдущему на плечо клал руку последующий, и они брели к цели, как слепые нищие в дореволюционной России. Поскольку в России проживает более 160 национальностей, при этом говорящих на собственных языках, то каждый из них мог, потеряв зрение, приехать в этот центр федерального значения и продлить зрячую жизнь. Молодые и не очень, похожие на

дервишей, шли они, держась друг за друга, осторожно ступая к свету и надежде.

Из капельной вышла царственная старуха в сопровождении молодой женщины примерно сорока лет. Обе в платках, обе в темных средней длины платьях и штанах с узором на боковинах. Старуха крепко держала под руку свою помощницу и гордо проследовала с ней в палату.

Некий диссонанс пришел на ум сразу же после того, как дверь палаты затворилась за этой хмурой парой. Асият, моя соседка по палате, по национальности дагестанка, промолвила: «Нэприступный, как гора Тлилимеэр со всех сторон!», и засмеялась. Наша палата весело смеялась с утра до вечера, такой народ подобрался с юмором, несмотря на разные национальности и нравы. Какими бы ни были мы разными, вечные ценности у всех одни и те же: любовь, доброта, красота и другие, не связанные с деньгами. Асият была второй женой, и Аллах послал ей на старости лет, как она выразилась, сына. Мальчик родился, когда ей было 42 года, а до этого детей не было, и этот подарок так согрел её душу, что взамен, как опять же она говорила, забрал зрение, то есть она ослепла от счастья! Асият сидела на стуле и на губах всегда была улыбка, невольная, от природы. Зоя, вторая соседка по палате, потеряла зрение после смерти сына. Вот вам и пожалуйста: одна от счастья, а вторая от горя! Чего только не насочиняет своё внутреннее Я, когда ты один на один с самим собой не спишь ночью и думаешь о жизни своей на земле.

Позвали в столовую обедать. Вы можете не поверить, но в этот день, без всякого повода, вместе с супом и котлетами подали большой бутерброд с красной крупной икрой и вкусный компот со сливами и абрикосами.

Царственная старуха заканчивала трапезу и только около её стола были свободные места, куда мы и уселись со своими тарелками, предварительно спросив разрешения. Слева от её плеча, как на страже, стояла её молодая сопровождающая и методично и беспрестанно стирала со стола вокруг старухи видимые и невидимые крошки. Мы несколько растерялись, и предложили присесть молодой женщине на свободный стул, но она отказалась, молча продолжая свою работу.

– Вы не волнуйтесь, – сказала я, – здесь все потом сотрут и уберут.

– Ничего, ничего, – ответила хмурая молодая, – просто ОНА не любит беспорядок и сор. Местоимение ОНА, прозвучало так многозначительно, как будто мы присутствовали при вкушении пищи королевы Англии.

Старуха молча закончила есть и пить, ощупала руками стол, в ближайшем окружении: нет ли там крошек, медленно поднялась, задвинула свой стул под стол и, уцепившись за локоть молодой двинулась к выходу.

– Ай, ужас! – зашептала Асият, – Может свекровь? А может мать? Строгая какая! Как на войне!

За столом царила тяжелая атмосфера, оставленная пожилой дагестанкой, исчезла весёлая аура нашей палаты и даже

красная икра не помогла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.